

ДЖОНОТАН СВИФТ

ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЛИБИКО МАРАЙЯ

#эксмодетство

Москва
2021

УДК 821.111-053.2
ББК 84(4Вел)-44
С24

*О жизни и творчестве художника
вы можете узнать на сайте [http:// www.libicomaraja.it/ ru](http://www.libicomaraja.it/ru)*

Свифт, Джонатан.
С24 Путешествия Гулливера / Джонатан Свифт ; ил. Либико Марайя. — Москва : Эксмо, 2021. — 208 с. : ил. — (Иллюстрации из детства).

УДК 821.111-053.2
ББК 84(4Вел)-44

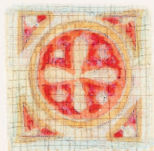
ISBN 978-5-699-79378-5

Gulliver's Travels
Original artwork © Libico Maraja Association, 2016
Use without permission is strictly prohibited.
© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ЧАСТЬ 1

Путешествие в Лилипутию

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Автор знакомится с читателем и рассказывает о своих первых путешествиях. В плавании корабль терпит крушение, и автору приходится спасаться вплавь. Оказавшись на берегу, он попадает в плен к лилипутам, и его переправляют в глубь страны...

Родился в Ноттингемшире, где у моего отца было небольшое поместье. Я был третьим из пяти сыновей. По достижении четырнадцати лет я был отправлен в Кембриджский университет, где три года с усердием изучал науки, пока плата за моё обучение не стала для моего отца неподъёмной. Из университета пришлось уйти и поступить в ученики к знаменитому хирургу в Лондоне. Обучение продолжалось четыре года. Те крохи, что давал отец, я тратил на изучение навигации и разделов математики, необходимых тем, кто намерен путешествовать (именно этому я и собирался посвятить свою жизнь).

По окончании обучения у хирурга я отправился в Голландию, в город Лейден, продолжить изучение медицины, зная, что это пригодится мне в долгих путешествиях. В Англию я возвратился через два года семь месяцев и сразу был рекомендован на должность корабельного врача на «Ласточку».

На этом судне я прослужил три с половиной года и несколько раз выходил в плавание.

Потом я решил осесть в Лондоне и женился на девушке, за которой в приданое давали четыре сотни фунтов.

Поначалу дела мои шли неплохо, а когда денег хватать не стало, я решил снова отправиться в плавание. Судовым врачом я служил сначала на одном корабле, потом на другом и за это время совершил несколько путешествий в Ост- и Вест-Индию. Свободные часы мои были посвящены чтению как древних книг, так и современных, — а если выходил на берег, то с удовольствием наблюдал за местными жителями и учил их язык. Это оказалось для меня вовсе не трудно благодаря отличной памяти.

На «*Антилоне*», совершавшей рейс в Южное море, я отплыл из Бристоля 4 мая 1699 года. Но при переходе из Южного моря к Ост-Индии случился шторм, и нас отнесло к северо-западу от Австралии. Двенадцать человек из нашего экипажа умерли от изнурительной работы и плохого питания, а остальные были очень слабы.

Несколько месяцев нас носило по волнам, и вот 5 ноября — в этой части света в самом начале лета — матрос заметил вдали некое подобие суши. Когда разобрались, что это скала, было уже поздно: ураганным ветром нас несло прямо на неё. От удара корабль развалился на части.

Шестеро членов экипажа, среди которых был и я, сумели спустить в море шлюпку. Нам удалось отойти от скалы, но, изнурённые работой на судне, мы не могли грести долго: через несколько миль силы совсем покинули нас, мы вручили себя волнам. Примерно через полчаса лодка перевернулась от внезапно налетевшего порыва ветра. Все мы оказались в воде, и подгоняемый ветром и приливом, я плыл туда, куда гнала меня судьба. Мне неизвестно, что случилось с моими товарищами, но думаю, все они погибли.

К тому времени, когда силы меня почти покинули, бороться с волнами больше не было возможности, и я, нако-

нец, нащупал под ногами дно. Шторм стих. Не меньше мили я прошёл по мелководью, прежде чем достиг линии прибоя. Потом мне пришлось пройти ещё около полумили, но ни жилья, ни людей я так и не увидел, а может, ослаб до такой степени, что ничего не различал.

После долгих часов борьбы со стихией сил у меня совсем не осталось, я лёг на траву, такую душистую и мягкую, и мгновенно провалился в сон, да такой крепкий, каким мне ещё ни разу не доводилось спать. Проснувшись едва рассвело, я попытался было встать, но не смог даже пошевелиться. Лежал я на спине, а руки и ноги мои оказались каким-то образом крепко привязанными к земле по обе стороны от туловища. Волосы мои, в ту пору длинные и густые, также оказались привязанными. Я чувствовал, что тонкие верёвки опутывают всё тело от подмышек до бёдер.

Смотреть я мог только вверх, а солнце становилось всё горячее, свет резал глаза. Я слышал вокруг какие-то шорохи, но из того положения, в котором я лежал, ничего не видел и голову повернуть не мог. Тут я почувствовал, как какое-то живое существо двигается по моей левой ноге.

Вот оно пробежало по груди и добралось почти до подбородка. Скосив глаза вниз насколько возможно, я увидел, что это маленький человечек — не более шести дюймов ростом — с луком и стрелой в руках и колчаном за плечами. Тем временем я почувствовал, как следом за ним двинулись

в путешествие по моему телу никак не меньше сорока таких же человечков. Это зрелище настолько меня поразило, что я заорал, да так громко, что все они в страхе бросились бежать и, как мне рассказали потом, многие получили увечья при падении с моего тела на землю.

Но наслаждался покоем я недолго — вскоре они вернулись. Один из них, оказавшийся настолько смелым, что добрался до моего лица, вскинул к небу руки, закатил глаза и воскликнул пронзительным голосом: «*Гекинаб дегул*». Остальные вслед за ним повторили эти слова несколько раз, но я не понял, что они означают.

Лежать было очень неудобно, и я решил попытаться освободиться. Не сразу, но всё же удалось разорвать верёвки и выдернуть из земли колышки, к которым я был привязан. Левая рука оказалась на свободе. Одновременно, резко дёрнувшись, я слегка ослабил верёвки, которые удерживали мои волосы с левой стороны. Наконец-то мне удалось дюйма на два повернуть голову.

Прежде чем я успел хоть кого-то схватить, они снова бросились наутёк, едва не оглушив меня своими пронзительными криками. Когда всё стихло, я услышал, как кто-то из них громко произнёс: «*Толго фонак*», — и в следующую секунду почувствовал, как сотни стрел впились в мою левую руку словно иголки. Следующий залп человечки выпустили вверх, и я ощутил уколы на лице.

Когда дождь из стрел наконец закончился, я лежал и стонал от боли и отчаяния, решив, что лучше не двигаться и не пытаться освободиться, пока не стемнеет, но судьба распорядилась иначе. Убедившись, что я успокоился, человечки перестали меня обстреливать, но ярдах в четырёх от правого уха не меньше часа были слышны удары молотков, как будто там кто-то что-то сколачивал.

Чуть повернув голову вправо, я увидел помост на высоте примерно полутора футов от земли, на котором стояли четыре человека. Главный среди них, ростом чуть выше мо-

его среднего пальца, обратился ко мне с речью, в которой, как мне показалось, были и угрозы, и посулы. Я ответил ему как можно вежливее, демонстрируя всяческое смирение, и так как был едва жив от голода, жестами пытался показать ему, поднося палец ко рту и повторяя идиотское «ням-ням», что мне нужна еда.

Гурго (так человечки называли этого господина) отлично меня понял и приказал, чтобы к моему боку приставили несколько лестниц, по которым тут же взобрались сотни человечков, нагруженных корзинами с мясом, и направились к моему рту. Чего здесь только не было: и ножки, и лопатки, и филейные части, по виду похожие на бараньи, но такие крошечные — меньше крылышка жаворонка. Я принялся поглощать их по две-три штуки разом, не забывая следом отправлять в рот и по три каравая величиной с пулю от мушкета. Человечки оказались весьма

догадливыми и подняли вверх бочонки с вином величиной с напёрсток, которые я опорожнил залпом. После того как увидели все эти чудеса, человечки принялись радостно кричать и пустились в пляс у меня на груди.

Спустя некоторое время появился представитель его величества императора и, поднявшись по моей правой ноге, приблизился к лицу вместе с дюжиной сопровождающих. Он что-то говорил минут десять, без гнева, но решительно, часто указывая куда-то в сторону — видимо, туда меня было приказано доставить.

Я жестами дал ему понять, что хотел бы освободиться, но чиновник отрицательно покачал головой, хотя и заверил — тоже жестами, что кормить и поить меня будут до отвала и обращаться со мной станут хорошо. Я снова подумал было разорвать путы, но всё ещё чувствовал боль от уколов стрел на руках и лице, теперь покрывшихся волдырями.

Заметив, что число моих недругов увеличилось вдвое, я дал понять, что они могут поступать со мной так, как им будет угодно.

После того как императорский посланник со своей свитой удалился, верёвки, связывавшие меня, были ослаблены, а руки мои и лицо смазаны мазью, которая ослабила боль от стрел. Основательно подкрепившись и запив еду несколькими бочонками вина, я захотел спать, что неудивительно: оказывается, по приказу императора придворный лекарь добавил в вино снотворный отвар.

Их император — личность уникальная, признанный покровитель искусств, а сами человечки — превосходные математики и механики. Они создали повозки на колёсах для перевозки деревьев и других тяжёлых грузов, а также флотилию, где есть самые настоящие военные корабли не меньше девяти футов в длину.

Верфи расположены там, где растёт строевой лес, а потом суда переправляют на повозках к берегу, преодолевая

расстояние в триста-четырееста ярдов. Для этих целей у них есть особые повозки: более семи футов в длину и четырёх в ширину, — которые передвигаются на двадцати двух колёсах.

Именно такую прикатали и поставили параллельно моему телу. Главная трудность состояла в том, чтобы меня на неё переложить. Но сначала предстояло поднять. С этой целью поставили восемьдесят столбов высотой не меньше фута. Человечки навязали вокруг моей шеи, рук, тела и ног множество петель и за них с помощью крюков зацепили мощные канаты. Девятьсот силачей ухватились за эти канаты через многочисленные блоки, привязанные к столбам, и менее чем за три часа меня подняли, уложили на телегу и крепко привязали.

Полторы тысячи самых мощных императорских лошадей — высотой дюйма четыре с половиной — потащили меня к столице, до которой было полмили. Обо всём этом я узнал позднее, так как во время погрузки и всю дорогу спал глубоким сном.

Примерно часа через четыре после того, как мы тронулись в путь, меня что-то разбудило. Повозка ненадолго остановилась, два-три человека вскарабкались на меня, чтобы посмотреть, как я выгляжу, когда сплю. Они очень осторожно пробрались к моему лицу, а потом один из них, как выяснилось — офицер, решил пощекотать мне пикой левую ноздрю. Разумеется, я чихнул, любопытных сдуло вниз, а я даже не заметил. О том, что меня разбудило так внезапно, я узнал лишь несколько недель спустя.

Весь остаток дня мы были в пути, а ночью отдыхали, причём мой сон оберегали пять сотен гвардейцев, выстроившись по обе стороны от меня. Половина из них держали факелы, а остальные стояли с луками наизготовку, на тот случай, если бы я попытался шевельнуться.

На другой день, едва небо посветлело, мы снова тронулись в путь, а к полудню уже преодолели тысячу двести ярдов,

остававшихся до городских ворот. Встречать процессию вышел сам император в сопровождении придворных, но министры не позволили его величеству подниматься на моё тело и подвергать тем самым себя опасности.

Рядом с тем местом, где остановилась повозка, возвышался храм, считавшийся самым большим в империи. Здание уже некоторое время пустовало, так что было решено поселить меня в нём. Двери высотой четыре фута и шириной два позволяли мне заползти внутрь. По обе стороны от них располагались окошки на расстоянии не более шести дюймов от земли, и через левое окно императорские кузнецы протянули около сотни цепочек, по плетению и ширине схожих с теми, что делают в Европе для женских часиков, и прикрепили к моей левой ноге тридцатью шестью навесными замками.

Напротив храма на другой стороне дороги возвышалась башенка в пять футов. На неё и поднялся император с некоторыми из своих высокопоставленных придворных, чтобы посмотреть на меня. Кто-то подсчитал, что из города с той же целью пришли более сотни тысяч жителей. Я же думаю, не менее десяти тысяч вскарабкались на меня в разное время с помощью лестниц, несмотря на стражу. И так продолжалось до тех пор, пока не был издан указ, запрещающий это под страхом смерти.

Лишь убедившись, что освободиться я не смогу, мастера перерезали все верёвки, которые меня опутывали, и я поднялся на ноги. Настроение было как никогда отвратительнейшее. Не могу передать вам, какой шум поднялся в ту минуту, когда я встал и сделал шаг, насколько удивлённые возгласы раздались. Цепи, удерживавшие мою левую ногу, были длиной около двух ярдов и позволяли мне ходить вперёд и назад по полукругу. Цепи были закреплены на расстоянии четырёх дюймов от ворот, что позволяло мне на четвереньках заползти в храм и лечь там, вытянувшись во весь рост.